

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Александр Иванович Бойко

*Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор
E-mail: upd@uriu.ranepa.ru*

Рецензия: А. В. Денисова. Системность российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации : монография. — Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2014. — 160 с.

Alexander Ivanovich Boyko

Head of the Department of criminal and legal disciplines of the South Russian Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of legal science, professor

Review: A. V. Denisova. Sistemnost' Rossijskogo Ugolovnoogo Prava: Problemy Filosofskoj i Yuridicheskoj Interpretacii: Monografiya. [The Consistency of the Russian Criminal Law: Philosophical and Legal Interpretation: Monograph] / Denisova, A. V. — Samara : Izd-vo Samarskogo un-ta, 2014. — 160 p.

Кажется, в огромном массиве комментариев по поводу нескончаемых поправок в уголовный закон, среди сонма диссертаций и публикаций, посвященных миниатюрным вопросам Особенной части, обозначенным в тексте статей УК РФ буквенной индексацией, появляются просветы. Они касаются проблем Общей части отрасли, призывают к обновлению традиционных методов анализа отраслевых явлений, выходу за горизонты современного правопонимания. Оцениваемая монография — из данного, пока еще незначительного ряда.

Сразу оговоримся: термин «система» на сегодняшний день есть затертый знак юриспруденции. Им увлекаются и им козыряют. Под лозунгом поиска системной гармонии в правоведении прошли несколько общенациональных дискуссий. Криминалисты не могут стоять в стороне от этих тенденций. Занимая заведомо подчиненное (обеспечительное) положение в общем нормативном материале и правоприменительной сфере любой страны, будучи зависимым от многочисленных внешних детерминант, уголовное право более других отраслей нуждается в координатном стиле мышления. Системный подход буквально

«стучится в двери»: только с его помощью можно объяснить эволюцию, самостоятельность, особенности и перспективы бытия такого полидетерминированного объекта, каковым является уголовное право.

Отраслевая доктрина давно отслеживает периферию уголовного права, его заданность и обусловленность внешними факторами: сформирован и развертывается предмет уголовной политики; совершенствуются критерии криминализации и пенализации общественно опасных деяний; проверяется конституционность отдельных положений уголовного закона; заявлены особенности и необходимость формализации юридического языка и текста; оцениваются тонизирующий дух и правоприменительные перспективы так называемого международного уголовного права; уточняются причиняющие возможности религии и нравственности; пересматриваются устоявшиеся представления о круге источников отрасли; идет инвентаризация бланкетных отводов Уголовного кодекса и обретает вторую жизнь административная преюдиция... Рецензируемый труд как бы возвышается над их потугами, пользуется их плодами, синтезирует труд предшественников.

План исследования следует принять и даже поддержать как вполне логичный и достаточный для освещения темы с учетом ее профиля и уровня развития науки: вначале, посредством двух глав А. В. Денисова готовит фундамент для разбирательства системности отрасли (философские концепции учения о системах плюс системность как метод познания), затем обозревает системные характеристики всей юридической системы страны (гл. 3), наконец, определяется с местом уголовного права в национальной юриспруденции и с его собственной системностью (гл. 4 и 5). Сугубо теоретический труд автор пытается подкрепить прикладными аспектами, для чего уже во введении апеллирует к проекту Концепции уголовно-правовой политики РФ (продукт Общественной палаты), в котором указано, что «нарушения системности уголовного права и уголовного законодательства чреваты серьезными негативными последствиями как для правоприменительной деятельности на территории нашей страны, так и для эффективности функционирования российской правовой системы и законодательства в целом» (с. 5), а позже — к Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. (с. 79).

Автор вносит в теорию и язык уголовно-правовой доктрины нетрадиционные и в определенном смысле запредельные для пресных узкодисциплинарных размышлений категории и термины. Явно ново (для зашоренной текущими потребностями отраслевой доктрины), умно, убедительно, образно выглядят многие суждения ученого: термин «система» синтезирует «имеющееся у человека знание онтологического, гносеологического и этического планов» (с. 8); «система выглядит системой только на фоне несистемного окружения» (с. 21); диалектику можно трактовать и как «метод построения способной к развитию и учету новых элементов системы» (с. 23); «оппозиция самоорганизации и равновесия впервые фиксируется в экспериментальной физике и оказывается исторически связана сначала с рождением термодинамики, а затем — синергетики, теории самоорганизующихся систем» (с. 41); по ходу эволюции «системность неживой природы переходит в системность живой природы, далее формируются системность общества и системность мышления» (с. 52); «при малой результативности... юридических реформ стоит задуматься о том, что причины происходящего следует

искать не только в правовой материи, но и за ее пределами, в частности, в экономике, культуре, идеологии или какой-либо иной сфере общественной жизни» (с. 65); «правовая система постоянно производит различие себя и внешней среды, одновременно являясь самовоспроизводящейся (аутопойетической) в том смысле, что акт воспроизводства не предполагает воссоздаваемости и воспроизводимости причин и условий производства» (с. 84–85);

Содержание первой главы монографии полезно для криминалиста не только в информативном плане, но и как пример такой переработки знаний и языка более высокого порядка, что они становятся пригодными для потребления и начинающим ученым, и практиком. Читатель приглашается к совместному отслеживанию генезиса философской мысли, медленно нащупывающей и объясняющей то, что есть «единство многого» (система) — через краткое изложение и цитирование трудов Г. Галилея, Й. Микрелия, Платона, Парменида, Г. Гегеля, И. Канта, Д. Беркли, В. И. Ленина, К. Поппера, представителей «Венского кружка», О. Нейрата, Ч. Морриса и других авторитетов нашей цивилизации. А. В. Денисова не просто пересказывает содержание работ названных ученых, но и делает обобщения, выстраивает цепочку мысли — тактично, ясно, уместно. Например: а) «в западноевропейской философской традиции» системное представление новых объектов равнозначно «проблеме эволюции или, другими словами, проблеме нового знания». А «для того, чтобы перейти к решению данной проблемы, необходимо ответить на вопрос о том, каким образом система в состоянии производить новые, ранее отсутствовавшие в целом части» (с. 19); б) для понимания структуры динамически развивающейся системы (Гегелю. — А. В.) следует установить и разграничить «понятия границы и снятия, позволяющие рассматривать диалектику как науку о системном упорядоченном развитии» (с. 22); в) существенный недостаток идеалистических представлений о категории «система» (взгляды Гегеля, Поппера, членов «Венского кружка», адептов аналитической философии) «заключается в его неспособности учесть феномен языка при построении понятия знания и понятия системы» (с. 24).

Закономерно и убедительно, как приговор, выглядит выводное знание об эволюции философской мысли в отношении категории «система»: во-первых, это понятие онтологично; во-вторых, оно постоянно трансформируется — от античного полагания «единого многого» к новоевропейскому пониманию системы как способа целесообразной деятельности человеческого сознания и далее к современному представлению о системе как единому языку выражения многого, где языковые конструкторы выполняют функции и упорядочивания знания, и его проверки; в-третьих, «понятие системы показывает реализацию онтологических программ в эпистемологии, логике и герменевтике». Наконец, в целом понятие системы «является одной из наиболее устойчивых характеристик научного познания, задающей ряд критериев для способа его организации, целеполагания, метода и среды осуществления» (с. 33–34).

Принцип системности предъявлен А. В. Денисовой с опорой на труды А. Н. Аверьянова, В. Г. Афанасьева, Л. фон Берталанфи, В. А. Виттиха, Л. Заде, М. С. Кагана, А. П. Кузьмина, Н. Лумана, М. Месаровича, И. Пригожина, В. Н. Сагатовского, В. Н. Садовского и других мыслителей. Автор рецензируемой книги не просто потчует читателя выдержками из творений указанных философов, но и выражает сочувственное отношение ко многим

их высказываниям, таким как: релятивизм принципа системности — с. 36–37 (позиция Берталанфи); пригодны две основные разновидности системного знания — об отдельных объектах и обо всем мире (с. 38, позиция В. П. Кузьмина); моделирование систем материального порядка предполагает их многочисленные разряды или классификации (мнение Е. П. Балашова — с. 39); системные объекты обмениваются информацией и энергией не только в полезном режиме, но и «дессипированным» образом, что есть посредством «энтропии» (понятие Клазиуса — с. 41); в мире есть не просто открытые для обмена с окружающей средой объекты, но и такие, которые существуют лишь за счет поступающих из внешнего мира веществ и энергии (И. Пригожин — с. 43); если сложность систем в кибернетике понимается в основном статистически, то в русле синергетики она выглядит динамически — как «наличие в ней внутреннего... потенциала самоорганизации» (М. Месарович — с. 46); поскольку важнейшим качеством системы является ее целостность, важен анализ холонической структуры и связей между холонами, поскольку в сложных системах «выходной результат (следствие) одного функционального элемента является входом (причиной) для другого», поскольку в таких объектах «причинно-следственная связь заменяется циклической причинностью, когда локальные взаимодействия регулируются глобальными структурами, которые являются результатом локальных взаимодействий» (с. 47 — позиция В. Виттиха); дефиниции «системы» (определения А. Аверьянова, В. Кузьмина — с. 51); основное назначение системного подхода — ориентационное, эвристическое, а не строго обязывающее (с. 57 — позиция И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина).

Рассуждения автора по поводу системного принципа познания таковы: каждый системный объект надлежит рассматривать как ограниченное множество взаимодействующих элементов; важно определить состав, структуру и организацию элементов и частей системы; актуальна задача выявления внутренних и внешних связей объекта, особенно — выделение главных среди них; завершается системный анализ выявлением закономерностей и тенденций развития объекта (с. 57). Принцип системности «следует рассматривать как... методологический подход человека к действительности, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы. Системный подход заключается в отказе от односторонне аналитических, линейно-причинных методов исследования. Основной акцент при его применении делается на анализе целостных свойств объекта... Категория системности... максимально востребована при анализе... сложных... систем» (с. 57–58). Понятие «система» имеет междисциплинарный уровень (с. 58). При всей важности и многих достоинствах системного подхода не стоит его абсолютизировать — он всего лишь один из многих познавательных технологий разума (позиция В. М. Сырыха — с. 60).

Представление правовой системы Российской Федерации автор начинает со справедливого утверждения, будто данный феномен есть разновидность социальных систем, а они относятся к числу наиболее сложных, ибо их основным элементом «являются люди, их взаимодействия, отношения и связи» (с. 61). А. В. Денисова причислила себя к критикам тех, кто сомневается в целесообразности категории «правовая система», для чего ей пришлось привести доводы и дефиниции С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, М. И. Байтина, А. М. Васильева,

Г. В. Игнатенко, В. П. Казимирчука, В. Н. Карташова, В. И. Кудрявцева, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, В. С. Нерсисянца, Ю. А. Тихомирова (с. 52–63).

Якобы господствующее в общей юриспруденции представление (с. 67) о трехкомпонентном составе правовой системы (само объективное право, юридическая практика и правосознание) квалифицируется как «устаревшее и излишне абстрактное» (с. 71), как «определенный примитивизм, условность и изолирующая абстракция» (с. 72), в связи с чем предложено «первичным элементом системы права признать... правовые нормы», а само исследуемое понятие сформулировать как «взятые в единстве и взаимодействии нормы права, институты и субинституты права, отрасли и подотрасли права, другие правовые общности, а также способы внешнего их выражения в различных источниках» (с. 69–70). Последующий анализ позволил присоединить к данному паноптикуму законодательство иностранных государств по отдельным вопросам уголовной ответственности и международные стандарты юридического регулирования, акты проверочной деятельности Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ (с. 72–78).

Как и любая иная система правовая система обладает интегративными свойствами, «которые возникают в результате взаимодействия ее элементов» (с. 78), к которым автор относит: 1) единство; 2) дифференциацию (на отрасли и т. д.); 3) наличие «системосохраняющего механизма» из принципов права, презумпций, преюдиций, фикций, пробельных и коллизионных норм, чтобы «в условиях динамичных изменений внешней среды и собственной внутренней структуры были бы обеспечены ее устойчивость и безопасность» (с. 81, 106); 4) иерархичность (совокупность вертикальных связей); 5) адаптивность, или приспособляемость к изменяющимся условиям функционирования; 6) динамизм; 7) открытость; самореферентность (с. 88).

Определяя место уголовного права в правовой системе России, автор последовательно: а) присоединяется к позиции большинства, согласно которой критериями выделения юридических отраслей служат предмет и метод правового регулирования, а также соответствующий им юридический режим воздействия на общественную жизнь (с. 90); б) называет нашу отрасль профилирующей — первичной или заглавной для соответствующей юридической семьи (с. 91); в) различает в предмете уголовно-правового регулирования три группы общественных отношений — охранительных, предупредительных и регулятивных (с. 93); г) критически отзываясь о категории «предмет уголовно-правовой охраны», ибо его конкуренция с предметом отрасли грозит самостоятельности уголовного права (с. 95); д) отрицательно относится к признанию государственного принуждения методом уголовно-правового регулирования из-за универсальности первого для управления вообще (с. 97); е) но высказывается в пользу статуса дополнительного метода за практикой поощрения преступников (с. 98).

Очень выигрышно (познавательное и убедительно, исчерпывающим образом) представлен в тексте рецензируемой монографии такой фрагмент содержания уголовно-правовой отрасли, как ее внутренние и внешние системообразующие связи: генетические, временные, структурные, функциональные, простые и сложные, координационные и субординационные (с. 105–106). Текст ст. 2 УК РФ использован автором для выделения охранительной, профилактической

и миротворческой задач, а научные мнения — еще и воспитательной (с. 112–113). Главными отраслевыми целями объявлены поддержание правопорядка в стране и за ее пределами, а также обеспечение безопасного сосуществования людей в обществе (с. 118), а функциями — регулятивная, охранительная, предупредительная, воспитательная, аксиологическая, социально-интегративная, экономическая, укрепления государственной власти (с. 123–124).

На базе приведенных мыслительных упражнений заявляется, что «уголовное право — это достаточно обособленная часть правовой системы, представляющая логически завершенную единую подсистему уголовно-правовых норм, субинститутов и институтов, способов внешнего их выражения и уголовно-правовых отношений, ради урегулирования которых все вышеназванные элементы системы уголовного права создаются и существуют. А скрепляет все эти составляющие, обеспечивает их согласованное взаимодействие и отраслевую целостность так называемый «системосохраняющий механизм», действующий на межотраслевом и отраслевом уровнях» (с. 128).

Трактовка системы самого уголовного права (последняя, 5-я глава монографии) почему-то начинается постановкой под сомнение таких базовых структурных компонентов (любой) отрасли, как Общая и Особенная части, поскольку это мнение якобы приводит к «существенному урезанию его (уголовного права. — А. Б.) социальной ценности, игнорированию в системе уголовного права таких первичных элементов, как уголовно-правовые нормы и институты» (с. 131, 133). Автор высказывается в пользу признания отраслевых принципов самостоятельными элементами системы уголовного права (с. 134), т. к. они выступают своеобразным концентратом сущности отрасли и ее «фильтром» (термин М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина) для проверки состоятельности частных правил (с. 136), но возражает против причисления к числу подотраслей ювенального и военного уголовного права (с. 140). Для А. В. Денисовой нет сомнения в множестве источников уголовного права и в относимости их к числу элементов системы уголовного права (с. 141); тот же титул присвоен и уголовно-правовым отношениям (с. 144).

Было бы странно, если бы придиричивый и хотя бы частично знакомый с системно-структурной методологией читатель не нашел в книге повода для дополнительных раздумий, сомнений и возражений — высокий уровень темы к тому даже приговаривает.

1. Начнем с главного. Системное свечение, понимание и представление уголовного права в первую голову предполагает цельность данного объекта. Но данное генеральное качество обнаруживается лишь во внешней среде. Именно она верифицирует обособленность отдельных тел, детерминирует их содержание и вызывает преобразования, граничащие с гомеостазисом (управлением — для человековключающих систем), либо даже разрушением, порождает вызревание защитной внутренней структуры объектов, испытывающих постоянное внешнее давление контактеров, предоставляет им поле для обязательных и избирательных контактов с ближайшими объектами той же среды. Именно под внешнюю среду вынуждено подстраиваться уголовное право в целях самосохранения и решения социальных задач. Оно сохраняет свои идентификационные черты и функциональную результативность лишь благодаря одновременному, но разновекторному давлению нескольких детерминант (внешние связи) и прочности ранее выработанных конструкций (внутренние связи) своего содержания.

Способствует этому и момент сознания; ведь если в природе наблюдается *естественный гомеостазис*, то в обществе (социальных системах) — *управление* (Стратегия национальной безопасности РФ, уголовное законодательство, научные программы по борьбе с преступностью, текущая правоохранительная деятельность и т. д.). В тексте рецензируемой книги внешняя для уголовного права среда упоминается, и не раз, но делается это как-то невыигрышно, попутно, дежурным образом, не приведен ни один пример «мимикрии» хотя бы уголовного законодательства под очевидным воздействием внешних детерминант. Жаль.

2. В работе нет ожидаемой (из-за темы особенно) строгости в понимании и различении близких или конкурирующих понятий. Например: а) российская правовая система устойчиво дефинируется как «синкретический *конгломерат*» (с. 78, 87, 152, 153) и лишь однажды как «синкретический *комплекс*» (с. 87). С очевидностью первая маркировка не пригодна уже по той бетонной причине, что здесь «слова воют от совокупления» (П. А. Вяземский), ибо синкретичность означает «нерасчлененность», а конгломерат — «беспорядочную смесь, механическое соединение чего-нибудь разнородного». А ведь еще следует помнить о высокой смысловой нагрузке и ожиданиях от системной организации нормативного материала, ибо система есть «упорядоченная целостность»; б) основные или *конститутивные свойства* объектов и их *специфические черты* — не одно и то же. Первые признаки выражают базовые черты объектов или целых классов объектов, *объединяет* их; они олицетворяет то, что присуще предмету и характеризует его само по себе, а не в отношениях с другими предметами (внешнее выражение качества, «одноместный предикат» по логике). Специфика же есть отличительная особенность, присущая только данному объекту или классу объектов; то, что их *различает*. В тексте же оцениваемого труда вначале предмет, метод и юридический режим воздействия относятся к «*характерным свойствам* любой отрасли права» (с. 90), но затем метод или «охрана базисных общественных отношений от наиболее опасных посягательств» именуется «*своеобразием* уголовного права» (с. 95). В этом же русле: насколько корректно писать о «*специфическом* содержании» уголовного права, подразумевая под этим *традиционную* структуру любой отрасли — нормы, субинституты и институты (с. 104)?

3. Внимательное прочтение книги вызывает множество мелких вопросов и недоумений, которых (с учетом продемонстрированного автором кругозора и легкости письма) легко было избежать, а именно:

1) выводное знание по 3-й главе (с. 88) и в заключении (с. 145) в части свойств правовой системы России почему-то выражено *открытым*, незавершенным списком (стоило ли «огород городить?»);

2) состав преступления или абстрактная юридическая конструкция, пусть и закрепленная в тексте закона, не может «задавать параметры объективной действительности» (с. 91);

3) регулятивность уголовного права проявляется не только и даже не столько в наличии управомочивающих норм (с. 93, 104), сколько в установлении границ отрасли (исчерпывающий список преступлений в статьях Особенной части УК), в дифференциации уголовного преследования (назначение наказания, освобождение от него и уголовной ответственности), в наличии множества исключительных норм (об обратной силе уголовного закона, давности, добровольном отказе, амнистии, помиловании и т. д.);

4) если целями применения принудительных мер медицинского характера по УК РФ (ст. 98) являются излечение и предупреждение, а сама А.В. Денисова призывает исключить из Кодекса (предмета уголовно-правового регулирования) нормы о ПММХ из-за отсутствия юридических фактов, имеющих значение для развития *охранительных* уголовно-правовых отношений (с. 103), то почему применение этих мер на той же странице квалифицируется автором как дополнительный метод регулирования *охранительных* отношений;

5) когда говорят о «единстве уголовного права и закона, находящихся в соотношении содержания и внешней формы» (с. 110), то титулование на этой же странице формы источником (пусть и формально-юридическим) содержания выглядит как-то нелепо. Но так говорят и пишут все. Может быть, именно системщики уголовного права должны первыми заговорить об УК РФ как об источнике *уголовной ответственности*;

6) можно ли пропагандировать и осуществлять какую-либо (регулятивную) функцию государственного управления (в сфере борьбы с преступностью — в нашем случае) без соответствующей, продекларированной и финансируемой из бюджета (регулятивной) задачи (с. 114); плюс функция есть «обязанность, круг деятельности, подлежащая исполнению работа», а задача — «проблемная ситуация, которую необходимо разрешить» компетентными органами либо обязанными лицами, функционально для этого предназначенными; как принимать после этого утверждение, что «функция — это роль, которую выполняет само право», а «содержание роли определяется задачами права» (с. 120);

7) весьма спорен тезис, будто «свойственные для уголовного права юридические понятия, термины, конструкции» обусловлены «именно выполняемыми отраслевыми функциями» (с. 124) — не именно, не только и не столько;

8) если автор решается на выдвижение перед уголовным правом воспитательной задачи, не предусмотренной в профильной части 2 ст. 2 УК РФ (с. 112), то почему он не относит к числу отраслевых принципов положение, прямо зафиксированное в ст. 8 УК РФ — что может быть принципиальнее торжественного обещания государства, что уголовная ответственность будет реализовываться лишь при условии совершения деяний, содержащих все признаки составов преступлений (с. 135)(!);

9) на с. 92–93 автор поддерживает взгляд Ю. Е. Пудовочкина, согласно которому уголовно-правовые отношения подлежат включению в *содержание* уголовного права. Пожалуйста. Право на авторскую позицию, тем более украшенную доводами и присоединением к мнению известного специалиста отрасли, непоколебимо. Но дело в том, что данный фрагмент текста включен в рассуждения о *предмете* (объекте воздействия), а не о содержания уголовного права;

10) на с. 116 А. В. Денисова решается на призыв, чтобы «цели и задачи российского уголовного *права* определяли содержание и тенденции уголовной политики государства». Красиво, эпатажно и в интересах общества верно. Но: во-первых, написано о целях и задачах уголовного *права*, а не *закона*, т. е. духовного продукта населения; во-вторых, *цели* того же закона не определены даже в УК РФ; в-третьих, уголовная политика суть вотчина правящей элиты, которая вольна следовать ожиданиям масс либо нет.

В завершение отметим, что Анна Васильевна завела читателя на самый край дисциплинарного поля, а по пути «растревожила улей» отраслевых идей

и предубеждений крепко, за что ей огромная благодарность. Может, и другие волонтеры потянутся на заросшую за буйные десятилетия всеобщего юридического образования и поголовного научного остепенения между. Выиграем все, поумнеем, раздвинем горизонты знания, будем в состоянии не только законодателя привычно да отчаянно ругать, но и дельные, т. е. системные советы давать власти.

Более четверти века назад рецензент задумал и лишь в 2007–2008 гг. выпустил в свет за (свой счет) трехтомник на несвоевременную тему и с фривольным для шальных времен названием «Система и структура уголовного права». А в финальном послесловии, пользуясь монопольным положением автора, редактора, издателя и заказчика рукописи одновременно, позволил себе следующие искренние строки: «После выхода в свет первого тома некоторые коллеги в сокровенных беседах говорили автору (кто — намеком, кто — без китайских церемоний): зачем все это? Кто будет читать эту академическую заумь в условиях, когда докторской ступенью завладели лица, прежде всего руководители правоохранительных органов и судов, думающие и читающие по слогам, никогда не бывавшие в библиотеке, в условиях “обучения” на юрфаках умственно дефектных лиц? Пиши о чем-нибудь земном и попроще — чем отличается кража от грабежа, клевета от оскорбления, изнасилование чужой женщины от измены Родине¹, например, т. е. пребывая в известном мыслительном коридоре “в чем разница между античной греческой грязью и свежим итальянским мусором”. Твоя работа, возможно, представляет интерес только для будущего науки и для совсем другого поколения, не приваженного детективами и вообще попсовой культурой — значит, тебе не увидеть следов восприятия, в том числе цитирования, своих творений. Стоит ли прожигать на этом интеллект? Выпускай сюминутные комментарии к мелким законодательным новеллам, и попадешь без драки в большие забияки!»². А я-то оказался не один. Жив курилка!

¹ В целях развития системного кругозора напомним молодому читателю, что в советском УК один из составов действительно именовался «изменой Родине» (ст. 64), а в действующем УК РФ — «государственной изменой» (ст. 275). Почувствуйте, так сказать, разницу. Или термин «Родина» не в почете у власти (а когда-то Павел I вообще запрещал упоминать об «Отечестве»), или само государство теперь изменяет управляемому им обществу (по крайней мере, в части расходования казенных средств).

² См.: Бойко А. И. Система и структура уголовного права : в 3 т. Т. 3: Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. Ростов н/Д, 2008. С. 503–504.